

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ У ЯКУТОВ В XVII в.

(С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР. Якутское государственное издательство. Якутск. 1945. 413).

Капитальная монография проф. С. А. Токарева является результатом многолетнего изучения автором по первоисточникам (и прежде всего по архивному материалу) истории общественного развития якутов в XVII—XVIII вв.

Известно, как трудно восстанавливать социально-экономическое прошлое, внутреннюю историю бесписьменных народов. Якуты в XVII—XVIII вв. не имели своей письменности, и важнейшим источником по их истории являются русские документы той эпохи, в большинстве своем донные еще не извлеченные из архивов. С. А. Токарев, уже много лет с глубокой симпатией и неутомимой энергией изучающий прошлое якутского народа, тщательно и с почти исчерпывающей полнотой использовал для своей монографии соответствующие фонды архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Иркутска и Якутска. Впервые в истории якутов появляется труд, вводящий в научный оборот столь многочисленные и разнообразные виды новых и весьма ценных письменных источников. Это, во-первых, официальные русские документы, касающиеся якутов: ясачные книги, сметные списки и росписи, «памяти», наказы, указы и различные грамоты и «отписки»; во-вторых, документы местных русских людей, затрагивающие жизнь якутского населения, как то: «доезды», «расспросы» и челобитные русских служилых, торговых и промышленных людей; и, наконец, в-третьих, документы, исходящие от самих якутов, — «расспросы» ясачных людей и многочисленные челобитные, преимущественно по судебным делам. Последняя группа документов, как правильно подчеркивает С. А. Токарев, представляет особую ценность для исследователя.

Давая всестороннюю и критическую оценку имевшихся в его распоряжении письменных источников, С. А. Токарев справедливо восстает против распространенного среди исследователей прошлого якутов, особенно этнографов и фольклористов, чрезмерно скептического отношения к русским архивным материалам XVII—XVIII вв. Он доказывает, что скептицизм этот не обоснован и что при правильном подходе эта категория источников может дать ценные и надежные сведения о жизни современного им якутского общества. Монография С. А. Токарева является наглядным и убедительным подтверждением такой точки зрения; она еще раз показывает, насколько важно для наших этнографов изучение архивного документального и актового материала.

В монографии С. А. Токарева мы имеем немало примеров того, как новый архивный материал дает возможность уточнять, корректировать, а иногда и опровергать более ранние данные этнографических описаний, а вместе с тем опровергать и основанные на этих неверных данных ошибочные выводы. Так, автор отмечает, что укоренившееся мнение об отсутствии у якутов к приходу русских сенокосного хозяйства является неверным. Мнение это основывалось на том, что ряд авторов, проезжавших по Якутии в XVIII и даже первой четверти XIX в., ничего не говорят о заготовках сена, а, наоборот, описывают систему зимней пастбы скота. По сообщению Гмелина (1736—1737 гг.) и Шуккина (1829 г.), рогатый скот якутов и зимой якобы находился только на подножном корму. Но мог ли в действительности рогатый скот в Якутии обходиться зимой без запасов сена, задает вопрос С. А. Токарев, — «и можно ли в связи с этим считать сенокосное хозяйство якутов заимствованием от русских?». Имеющиеся в распоряжении автора архивные материалы XVII в. дают на это отрицательный и вполне убедительный ответ. «Упоминание о покосах, сене и т. п., — пи-

шет С. А. Токарев,—встречаются то и дело в таких контекстах, которые не оставляют сомнения в том, что мы имеем перед собой традиционное якутское хозяйство». Далее автор указывает, что хотя якутская коса-горбуша, сохранившаяся до недавних дней, ничем не отличается от русской старинной горбуши, «однако в документах XVII в. мы видим, что рядом с русской косой (горбушей) существовала якутская, видимо отличавшаяся от первой» (стр. 33).

С. А. Токарев не ограничивается только архивным материалом и вообще не довольствуется одними лишь письменными источниками. Он пользуется всей совокупностью доступных исторических источников, дополняя, сопоставляя и сверяя показания письменных источников с данными этнографии, фольклора, языка и археологии. В главе 4-й автор пишет: «Сколько-нибудь достоверные результаты могут быть получены только при одновременном и комбинированном использовании всех доступных видов источников. Попытки опереться только на этнографические данные (как делали Вруцевич, Кочнев и др.) никогда не дадут определенной исторической перспективы, не говоря уже о точной датировке исторических процессов, и открывают путь для произвольных субъективных построений. С другой стороны, одни ранние письменные памятники, хотя и являются для нас основным материалом, однако, если их не оживлять и не интерпретировать этнографическими данными, хотя бы и поздними,—не смогут дать полной и ясной картины социальных отношений данной эпохи. О других видах источников нечего и говорить» (стр. 27). Вряд ли необходимо указывать, что мы вполне согласны с этой точкой зрения автора.

Наиболее ранние русские источники по истории якутов относятся к 30-м годам XVII в. С этого времени С. А. Токарев и начинает свое исследование общественного строя якутов, доводя его в основном до 60-х годов XVIII в., когда после работ так называемой «первой ясачной комиссии» был проведен ряд реформ, открывших новую страницу в истории Якутии. Лишь в отдельных случаях автор затрагивает более поздние, чем середина XVIII в., периоды якутской истории (см., например, главы 2 и 21 монографии).

В пределах намеченных С. А. Токаревым хронологических рамок исследования наличный архивный материал распределяется весьма неравномерно: главная и наиболее ценная часть его относится к периоду 1630—1700-х годов (в том числе около 2700 якутских челобитных и судебных дел, проработанных С. А. Токаревым), тогда как за последующее 50-летие (от 1710-х до 1760-х годов) обнаружены только единичные документы (главным образом в делах Миллера). Такой состав источников заставил автора сосредоточить свое внимание на XVII в.

Основная проблема, поставленная в монографии С. А. Токарева,—это выяснение общественного строя якутов ко времени присоединения к России и определение характера дальнейшего процесса социально-экономического развития якутских племен в составе феодального русского государства (до середины XVIII в.). Исследуя эту проблему, автор дает глубокий и всесторонний анализ общественного строя якутов XVII—XVIII вв. и, что особенно важно, рассматривает якутское общество той эпохи не в статике, а в динамике, каждое общественное явление, каждый социальный институт исследуется им исторически, в процессе его конкретного развития.

С. А. Токарев довольно отчетливо выявляет основную линию социально-экономического развития якутского общества XVII—XVIII вв.—от разлагающегося патриархально-родового строя, через рабство, к феодализму, давая картину подлинной жизни якутов в изучаемое время, богато насыщенную конкретным материалом, историческими фактами.

* * *

Большая часть монографии (стр. 30—264) посвящена описанию общественного строя якутов «ко времени прихода русских» на основе главным образом письменных русских источников XVII в.

Свое исследование якутского общества XVII в. С. А. Токарев начинает с выяснения наличных в нем элементов родового строя. Автор прежде всего отмечает, что в русских документах XVII в. термин «род», часто применяемый в отношении ряда племен северо-восточной Сибири (тунгусов, ламутов, юкагиров), «почти не применяется к якутам», которые обычно подразделяются по «волостям» (стр. 36—39). Однако фигурирующие в русских документах якутские «волости» XVII в. были не просто административно-территориальными единицами, по аналогии с русскими волостями, как это можно было бы предположить, судя по названию, а социальными организациями гораздо более сложного и архаического типа, уходящими своими корнями именно в родовой строй.

Характерной особенностью якутской «волости» XVII в., как выявляет это С. А. Токарев, была ее экзогамность: «почти все известные по актам эпохи завоевания случаи браков представляют собой браки между лицами не одной и той же, а разных волостей; например, муж принадлежит к Кангаласской волости, а жена — к Нюрюктейской, или муж к Мегинской, а жена к Борогонской и т. п.» (стр. 46). Можно было бы предположить, что это случайное явление, что источники в данном случае неполно и неточно отразили историческую действительность. Но в тех же

самых источниках с определенного момента, а именно с 1750-х — 1760-х годов, начинают изредка попадаться и случаи неэкзогамных (в смысле принадлежности к определенной «волости») браков.

По подсчетам С. А. Токарева, в течение XVII в. (с 1630-х по 1690-е годы) 90,6% всех отраженных в источниках браков (а автор располагает данными о 213 браках за этот период) происходили между лицами разных «волостей» (стр. 47, ср. таблицу I, стр. 377—381). Таким образом, якутская волость XVII в. выступает перед нами в основном как экзогамная единица. Казалось бы, это говорит за то, что мы имеем здесь дело с обычной родовой группой, тем более, что по сообщению источников якуты XVII в. сами представляли «волость» как родственную организацию, называя якутов своей «волости» — «родниками» (ср. стр. 45). Однако исследование С. А. Токарева показывает, что якутские «волости» XVII в. часто сами распадались на более мелкие подразделения, в которых автор и усматривает подлинные родовые группы якутского общества той эпохи (ср. стр. 44). Являясь как бы совокупностью родов, якутская «волость» XVII в., по мнению С. А. Токарева, была прежде всего племенной группировкой (стр. 41).

Но такое определение якутской «волости» XVII в. не согласуется с присущим ей в ту эпоху характерным признаком родовой организации — экзогамией, которая, как известно, необычна для племени. Автор находит выход из этого противоречия путем предположения, что в данном случае мы имеем перед собой перенесение функций и признаков рода на племя в результате разложения родового строя у якутов в XVII в. (стр. 48).

Это предположение С. А. Токарева, вообще говоря, довольно вероятное, однако не может нас вполне удовлетворить. Слишком существенные и реальные черты, обычно не свойственные племенной организации, наблюдаем мы в якутской «волости» XVII в. (не только экзогамии, но и обычай кровной мести, общий тотемический культ), чтобы видеть в этом лишь простое смещение функций родовой и племенной организаций. В связи с этим напрашивается вопрос, не правильнее ли было бы рассматривать якутскую «волость» XVII в. не как племенную, а как родовую по своей первоначальной основе группировку? Такому предположению в известной мере соответствует гипотеза С. А. Токарева о том, что образование якутских «волостей» происходило путем «разрастания отдельных родовых групп», а также даваемая им в ряде мест монографии характеристика «волости» как «большого рода» или совокупности родов, принципиально от них по своим основным признакам мало отличающейся (ср. стр. 44, 45, 46—47, 56). Что часть якутских «волостей» XVII в. была скорее всего родами, признает и сам автор; это — мелкие «волости» численностью около 20 взрослых мужчин (как, например, Чумецкая, Гурменская), а отчасти и «волости» средней численности по 100—200 мужчин (см. стр. 43—44).

Что касается определения С. А. Токаревым якутской «волости» XVII в. как племенного объединения (что, возможно, и является в ряде случаев правильным), то такая характеристика «волости» была бы более убедительна, если бы ее удалось подкрепить языковыми данными, ибо наличие особого диалекта является, как известно, одним из существенных признаков племени.

Поднятый С. А. Токаревым вопрос о якутской «волости» XVII в. представляет для этнографов большой конкретно-исторический и теоретический интерес. К сожалению, терминологическая неточность источников и отсутствие в них соответствующих данных о внутренней структуре «волости» (в частности об имевшихся в ней подразделениях и о взаимоотношениях их между собой) мешают разрешить этот вопрос с исчерпывающей полнотой и ясностью.

Подробно прослеживая явления, характеризующие родовый строй, С. А. Токарев устанавливает, что таковой находился у якутов XVII в. в состоянии полного упадка и разложения. Как показывает приводимый автором фактический материал, основной хозяйственной ячейкой у якутов той эпохи была малая семья. Скот (главное богатство тогдашних якутов) и все другое хозяйственное и домашнее имущество находилось в собственности отдельных семей. «Родные братья, по крайней мере женатые, имели каждый свой скот и имущество и жили врозь. У отца и сыновей мы тоже находим раздельное имущество» (стр. 58). Характерно, что даже холостым взрослым сыновьям иногда выделялся из отцовского имущества скот (стр. 59).

Естественно, что при таком ярко выраженном господстве малой семьи автор не находит у якутов XVII в. сколько-нибудь значительных следов большей семьи, что, конечно, не означало полного отсутствия общественно-экономических связей между родственными малыми семьями. Такие связи, как указывает автор, были и об этом свидетельствует ряд фактов (ср. стр. 66—67), но эти связи носили непостоянный, эпизодический характер.

О почти полном социально-экономическом обособлении малой семьи у якутов XVII в. говорят и исследуемые автором формы брака. Господствующей формой заключения брака была покупка жены путем калыма (по якутски «курум»), который всегда выражался в живом скоте и битом мясе. Со своей стороны отец или брат невесты, получающий за нее калым, давал зятю приданое. Изученные автором судебные дела, связанные с заключением брака, с уплатой и получением калыма и

приданого, показывают, что род не принимал в них никакого участия. Все получаемые в результате заключения брака материальные ценности (в виде калымов или приданого) циркулировали между отдельными семьями, непосредственно в них заинтересованными. В связи с этим автор справедливо указывает, что существовавшая у якутов XVII в. форма парного брака, с сопровождавшимися актами перераспределения материальных благ между отдельными семьями, являлась «еще лишь одним фактором укрепления семьи за счет рода, роста ее экономической самостоятельности и независимости» (стр. 63).

Подчеркивая, что в повседневной жизни малые семьи, разобщенные наличием частной собственности и отдельного хозяйства, были слабо связаны с соседними и даже родственными семьями, автор в то же время указывает, что в важнейшие, «критические», моменты их быта (при перекочевках, военных столкновениях, крупных охотничьих операциях) родственные якутские семьи действовали солидарно. Но не эти эпизодические связи были главной формой взаимоотношений малых семей в рамках сохранившихся еще у якутов XVII в. родовых группировок.

Для разлагающегося у якутов XVII в. родового строя были не столько характерны связи между родом и выделявшейся из него семьей, сколько борьба между ними. Во вскрытии этих более глубоких и для данного периода исторически более важных форм взаимоотношений между родовым коллективом и отдельной семьей С. А. Токарев и видит главную задачу своего исследования семейно-родовых отношений у якутов той эпохи: «мы должны, — пишет он, — искать в нашем материале не того, как родовые формы дополняли семью, а фактов борьбы и противоречивости родовых и семейных форм» (стр. 69).

Идя по пути выяснения антагонизмов между родом и семьей, автор отмечает многочисленные проявления их в судебных делах между родственниками (в том числе и ближайшими), а особенно в делах о разделе и наследовании имущества, где борьба семейного и родового начала выступает с наибольшей отчетливостью (стр. 71—74).

В результате тщательно проведенного анализа фактического материала автор приходит к следующему выводу: «родовой строй не без борьбы уступал свое место мелкосемейному хозяйству... Каждое ослабление семьи, потеря ею физической силы сопротивления сейчас же вывели за собой ее поражение в борьбе с родом... ослабевшая, потерявшая главу семья тотчас же растворялась в роде. Однако род, как целое, от этого ничего не выигрывал. Выморочное имущество семьи не поступало в нераздельную родовую собственность, а распределялось по отдельным же семьям сородичей. За счет гибели одной семьи, укреплялись другие семьи данной родовой группы. Борьба рода с семьей поэтому была борьбой заранее обреченной» (стр. 75).

Изучая процесс разложения родовых отношений и развития частной собственности отдельных семей в Якутии XVII в., С. А. Токарев отмечает значительную роль, которую играл в этом процессе межплеменной и внутриплеменной обмен. В связи с этим автор посвящает особую, 8-ю, главу своей монографии характеристике состояния обмена в якутском обществе XVII в. Он констатирует на основании документов наличие у якутов той эпохи довольно развитого обмена с соседними племенами тунгусов, у которых якуты выменивали меха на продукты своего скотоводческого хозяйства. Скот и продукты скотоводства являлись главными объектами обмена и на внутреннем рынке, причем «скот у якутов играл настолько преобладающую роль в обмене, что он в сущности уже превратился во всеобщий эквивалент, т. е. получил функцию денег» (стр. 85). Позднее, при установлении «ясачного» режима, эту роль всеобщего эквивалента стала играть и пушнина.

Несмотря на значительную распространенность обмена среди якутского населения XVII в. (о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные, возникшие на почве обменных операций, судебные дела той эпохи), автор подчеркивает, что обмен у якутов XVII в. «сохранил еще весьма архаическое обличье» и «не выделился еще как самостоятельная экономическая категория из целого комплекса других отношений» (стр. 87). Автор отмечает, что обмен у якутов XVII в. часто переплетался с различными обычаями (свадьбой, кровной мстостью, гостеприимством) и прикрывался различными ритуальными формами; все это, конечно, ярко свидетельствовало о его недоразвитости, примитивности. Поэтому, хотя обмен и являлся довольно серьезным фактором разложения родовых отношений и укрепления частной собственности у якутов XVII в., автор предостерегает от переоценки его значения в изучаемую эпоху.

* * *

Представленная С. А. Токаревым картина разложения родовых отношений у якутов XVII в. является как бы введением к изучению господствующего у них в ту эпоху классового строя, анализ которого автор начинает с вопроса о рабстве.

«Первым фактом, бросающимся в глаза при изучении классовой структуры якутского общества середины XVII в., — пишет С. А. Токарев в начале главы, посвященной рабству, — является наличие рабов» (стр. 90). Далее автор убедительно показывает на весьма обширном и многообразном материале, что рабство имело

значительное распространение среди якутов той эпохи, что оно играло крупную социальную и экономическую роль. Автор чрезвычайно внимательно и всесторонне освещает вопрос о рабстве у якутов XVII в.; он детально разбирает терминологию документов по этому вопросу, источники рабства, различные формы его, имущественное и бытовое положение рабов, вопрос об их численности. Глава о рабстве (стр. 90—131) является одной из центральных в монографии Токарева не только по объему, но и по замыслу автора, выдвигающему тезис, что рабство являлось основной и ведущей формой классовых отношений у якутов к началу XVII в. Развивая этот тезис, автор в следующей главе, посвященной тойонату (гл. 10, стр. 135—168), представляет господствующую верхушку якутского общества XVII—XVIII вв.—«князцов» и «лутчих якутов», в обозначении русских источников той эпохи, «тойонов» — по местной терминологии, как класс рабовладельцев, хозяйство которых основывалось на эксплуатации главным образом рабского труда (стр. 141 и 116—119).

Таким образом, якутское общество эпохи присоединения к России, было, по определению автора, рабовладельческим; основными классами-антагонистами этого общества являлись холопы-рабы и рабовладельцы-тойоны. В соответствии с этим автор рисует и характер классовой борьбы у якутов XVII в.—это была, по его мнению, прежде всего борьба рабов с рабовладельцами (гл. 13, «Формы классовой борьбы», стр. 204—209).

Несмотря на то, что автор с особой обстоятельностью старается обосновать свой тезис о господстве у якутов в XVII в. рабовладельческих отношений, создается все-таки впечатление, что он преувеличивает распространение и значение этих отношений в общественном строе якутов той эпохи. Это преувеличение прежде всего связано с неправильным толкованием часто встречающегося в русских документах о якутах XVII в. термина «холоп». С. А. Токарев почти везде и безоговорочно рассматривает этот термин в применении к якутам как синоним «раба»; хотя сам в начале главы 9-й поставил естественно возникающий вопрос: «Были ли якутские «холопы» рабами в точном понимании этого термина и не скрывались ли за словом «холоп» зависимые отношения иного порядка — крепостнические или иные?» (стр. 91).

Казалось бы, ответ на этот вопрос должен был привести автора к правильному выводу, но получалось иначе. Анализируя употребление в русских текстах XVII в. термина «холоп» по отношению к якутам той эпохи, С. А. Токарев приходит к выводу, что «русским словом «холоп» переводился какой-то совершенно определенный якутский социальный термин». Автор считает, что этим термином «повидимому... было слово «кулут», и сейчас сохранившееся в якутском языке со значением: раб, слуга» (стр. 93).

Предположение автора о том, что именно термин «кулут» переводился в русских документах XVII в. словом «холоп», по существу им мало обосновано¹, что не мешает, однако, автору отбросить осторожное «повидимому» и в дальнейшем изложении категорически утверждать, что якуты — «холопы» XVII в.—это «кулуты» (стр. 110, ср. стр. 107). Между тем, сам автор признает, что термин «кулут» встречается в русских документах XVII в. «лишь как исключение» (стр. 93), тогда как термин «холоп» «нередко заменяется в источниках словом «бокан» (реже «бокон»), словом, повидимому, якутским» (стр. 90).

Что туземное слово «бокан»² часто переводилось в русских документах словом «холоп», показывает ряд приводимых С. А. Токаревым на стр. 91 текстов, в которых один и тот же якут именуется то холопом, то боканом (например: «якут Камык Едейков холоп» — «якут Камык Едейков бокан»; якут Тогурай называется своим хозяином «природный холопишко», и он же в другом документе обозначается как «бокан»)³. К тому же прекрасно знакомый с документальным материалом автор утверждает, что «общий смысл всех имеющихся у нас текстов

¹ Приводимые С. А. Токаревым на стр. 93 два отрывка из русских документов 1646 и 1686 гг., в которых упоминается термин «кулут», не могут служить обоснованием его предположения, что «именно «кулутов» следует видеть в «холопах» русских текстов XVII в., относящихся к якутам», так как из этих примеров совершенно неясно, в каком именно смысле употребляется слово «кулут» и в какой связи или в каком соотношении оно находится со словом «холоп».

² С. А. Токарев на стр. 93 не решает окончательно признать в термине «бокан» якутское слово, хотя на стр. 90 и высказал такое предположение. Нескольким странно и неопределенно звучит следующая фраза, сказанная им по поводу слова «бокан»: «Это слово было русским (?) и, несомненно, заимствовано из какого-то местного языка в Сибири; из якутского ли или из другого — трудно судить» (стр. 93). С другой стороны, на стр. 94 наш автор уже утверждает, что «слово «бокан» в якутском языке существовало» и об этом свидетельствует наличие его в значении собственного имени у якутов XVII в.

³ Сам якут Тогурай на суде, опровергая, что он является «беглым холопом» якута Турчака, заявил, «что де он... в холопах не жывал», а после повторных улик со стороны Турчака, что «у него же в боканах не бывал» (стр. 93).

не оставляет сомнения в том, что слово «бокани» в актах XVII в. означало в точности то же самое, что и слово холоп» (стр. 91, подчеркнуто мною — Б. Г.)

Все это говорит за то, что в русских документах XVII в. слово «холоп» в применении к якутам чаще всего соответствовало по смыслу и значению местному социальному термину «бокани», а не «кулут», как это предполагает С. А. Токарев.

Что же означает слово «бокани»? Как отмечает С. А. Токарев, в якутском современном языке слово «бокани» неизвестно, но в словаре Э. К. Пекарского имеется несколько слов, близких к этому слову фонетически и семантически. Такими словами, по мнению С. А. Токарева, являются: «бохоно», означающее — «немного уступающий в каком-либо отношении», и «бохтусак», употребляющееся в том же значении (производное от «бохто», «бохтоу» — «оставаться, не следовать, отставать»). Прав С. А. Токарев, указывая, что во всех этих словах выражена идея некоторой неполноценности, неполноправности, но вряд ли можно с ним согласиться, что семантика этих слов допускает сближение их с понятием раб» (стр. 93).

Если «бокани» — несколько искаженное в русской передаче слово «бохоно», как это склонен предположить С. А. Токарев, то это слово по своему смыслу ни в коем случае не может быть сведено к понятию «раб», как это пытается сделать наш автор. Истолковать слово «бохоно» (означающее, повторю, «немного уступающий в каком-либо отношении») в смысле «раба», «невольника», значит допустить большую натяжку в угоду излюбленной тенденции и в ущерб истине.

Гораздо более правильным является высказанное С. А. Токаревым в виде вопроса предположение: «Не означало ли некогда слово «бохоно» социально «ступающего», неполноправного человека, т. е. зависимого, несвободного человека?» (стр. 94). Если ответить утвердительно на этот вопрос, то тогда слово «бохоно» (а следовательно, и соответствующий ему, по мнению С. А. Токарева, в русских текстах XVII в. термин «бокани») будет обозначать далеко не рабскую форму зависимости; тогда, следовательно, якутские «боканы» («бохоно») XVII в., фигурирующие в русских документах часто под названием «холопы», не рабы, а зависимые, несвободные люди иной категории.

Мы далеки от того, чтобы отрицать наличие среди якутских «холопов» XVII в. и подлинных рабов, невольников. Наличие в Якутии XVII в. рабства и работорговли, как мы уже указывали выше, исследование С. А. Токарева устанавливает бесспорно. Но мы считаем неправильным трактовать, как это делает автор, всех якутов, выступающих в русских документах XVII в. под наименованием «холопов», — рабами. В частности из текста его же работы явствует, что «холопы» — «боканы» не могут быть признаны рабами по самому смыслу местного термина («бокани», «бохоно»).

Судя по приводимым С. А. Токаревым документам, «боканы» в XVII в. не составляли всей массы якутских «холопов», хотя и являлись значительной частью их. Таким образом, существовала и другая категория якутских «холопов», которая и может быть подведена под понятие рабов. Возможно, что именно для этой, сравнительно немногочисленной категории якутских «холопов» параллельным местным термином и служило слово «кулут»⁴.

Итак, анализ терминологии, употреблявшейся в русских документах XVII в. для обозначения под именем «холопов» или «боканов» какой-то группы подневольного и эксплуатируемого населения Якутии той эпохи, убеждает нас в том, что в этой группе населения нельзя видеть только или даже преимущественно рабов.

Но еще более существенными, чем терминологические соображения, являются данные о фактическом положении тех, кого русские источники именуют «холопами» или «боканами».

Как свидетельствует приводимый автором фактический материал, в число якутских «холопов», кроме настоящих рабов-невольников, входили и еще не окончательно закабаленные непосредственные производители, находившиеся нередко в родственных отношениях со своими хозяевами, а также якуты, хотя уже и закабаленные, но не окончательно лишенные хозяйственной и бытовой самостоятельности, что особенно важно, обладавшие известным минимумом средств производства. Последняя группа якутских «холопов» XVII в. была, повидимому, довольно значительна и находилась по всем данным не в рабской, а скорее в феодально-крепостной зависимости. Из приводимых автором документальных данных видно, что якутские «холопы» XVII в. нередко имели свою семью, свое хозяйство, жили отдельно от своих господ юртами, имели 1—2—3 коровы или лошадь (а иногда и то,

⁴ Следует отметить, что С. А. Токарев (который, как мы видели выше, склонен видеть только «кулутов» в «холопах» русских текстов XVII в., относящихся к якутам) признает также существование в якутском языке XVII в. одновременно слов: «кулут» и «бокани» («бохоно») и задает даже вопрос: «совпадали ли они по значению или выражали разные оттенки несвободного состояния?» «На этот вопрос, — замечает автор, — к сожалению, точный ответ дать невозможно» (стр. 94). Нам кажется, что на этот вопрос дать точный ответ можно и должно, ибо без четкого различения этих, отличных друг от друга категорий несвободного, «холопского», по терминологии русских документов XVII в., населения, нельзя правильно разрешить вопрос о роли рабства в общественном строе якутов той эпохи.

и другое), сельскохозяйственный инвентарь и прочее имущество (ср. стр. 124—131).

Автор хорошо понимает, какое значение имеет даваемая им характеристика имущественного положения якутских «холопов» для определения их классового положения и прежде всего для разграничения их от класса крепостного крестьянства (ср. стр. 123—124). Естественно поэтому, что наш автор, трактующий якутских «холопов» и «боканов» как рабов, заявляет, что у них своих средств производства, своего скота и инвентаря «повидимому, как правило, не было» (стр. 124). Но категорически отрицать наличие у якутских «холопов» и «боканов» своего имущества автор не решается. Он ограничивается лишь ссылкой на то, что источники по данному вопросу неясны и что «беспспорных указаний на то, что раб (так автор именует якутских «холопов» и «боканов». — Б. Г.) владел имуществом, у нас нет» (стр. 124). Тем не менее, автор признает, что «по ряду данных можно предполагать, что, по крайней мере, в пользовании рабов бывало то или иное имущество, скот и пр., хотя уяснить себе юридический характер этого пользования мы едва ли сможем» (там же).

Автор, с нашей точки зрения, напрасно в данном случае занимается юридической стороной вопроса; для характеристики классовой принадлежности якутского «холопа» гораздо важнее его фактическое социально-экономическое положение — то, что «холоп» обладал средствами производства, был наделен ими. Автор своим формально-юридическим подходом сам запутывает вопрос. Отмечая, что «наиболее ясные указания на наличие в некоторых случаях у рабов («холопов». — Б. Г.) своего небольшого имущества», в частности скота, дают ясные документы, автор не делает из этих документов надлежащего вывода, а заявляет: «Но ясные документы ничего не могут нам сказать о правовой стороне данного вопроса: в какой мере раб («холоп». — Б. Г.) был для обычного-правового сознания (!) якутов того времени собственником находившегося в его пользовании скота и другого имущества» (стр. 125, подчеркнуто мной — Б. Г.).

Углубляясь в юридические дебри, автор тем самым уклоняется от разрешения существа поставленной им самим проблемы: были ли якутские «холопы» и «боканы» рабами или же крепостными? Иначе обстоит дело, когда автор переходит к выяснению экономической стороны вопроса. «Более ясно, — пишет он, — экономическая сторона: какое-то минимальное хозяйственное оборудование, юрту, 1—2 головы скота раб («холоп». — Б. Г.) в своем пользовании имел и вместе с тем имел какую-то минимальную хозяйственную самостоятельность в пределах своей зависимости от хозяина» (стр. 130).

Эта характеристика экономического положения якутских «холопов» XVII в. подкрепляется в монографии многочисленными данными источников и представляется нам вполне убедительной и приемлемой, с одной только оговоркой — она касается не всех якутских «холопов» и «боканов» XVII в., а только известной части их. Сам же автор на основе прямых указаний источников устанавливает, что были холопы, не имевшие ни юрты (см. стр. 129), ни скота (стр. 125, ср. стр. 98), ни какого-либо другого имущества. Социально-экономическое положение таких, не только несвободных лично, но и лишенных всех средств производства якутских «холопов», конечно, принципиально отличалось от положения тех «холопов», кто этими средствами производства владел и вел самостоятельное хозяйство. «в пределах (как выражается автор. — Б. Г.) своей зависимости от хозяина». В то время как первая категория якутских «холопов» должна быть отнесена к классу рабов, вторая категория их выступает перед нами в качестве феодально-зависимых крепостных людей.

Для определения классовой принадлежности различных категорий якутских «холопов» не существенно, являлся ли «холоп» по обычному праву юридическим собственником находившихся в его владении средств производства (что так интересует нашего автора⁵), и даже имелись ли они у него до закабаления или были даны ему его господином после того, как он стал «холопом». Гораздо важнее то, что в Якутии XVII в. существовала категория производителей, находившихся в личной зависимости от своих соотечественников и эксплуатировавшихся ими на основе феодально-крепостных отношений (поскольку они не были лишены, как рабы, средств производства, а обладали ими, как крепостные крестьяне). То обстоятельство, что часть этих якутских «холопов» (принадлежавших, по нашему мнению, к нарождавшемуся в Якутии XVII в. классу крепостных крестьян) была, как показывают приводимые в монографии документы, наделена средствами производства от своих господ (якутских «князцов» и «тойонов»), лишь свидетельствует о том, что в Якутии XVII в. была известна не только рабовладельческая, но и феодально-крепостническая форма эксплуатации и что последняя форма уже предпочиталась якутской верхушкой вследствие ее экономической выгоды.

⁵ См., кроме цитированных выше отрывков, стр. 124, 125, а также стр. 129—130, где автор снова поднимает вопрос о юридической принадлежности находящихся во владении якутского «холопа» XVII в. средств производства.

* * *

Мы подходим теперь к другой важной проблеме исследования С. А. Токарева — к вопросу о феодализме у якутов XVII в.

Возражая против распространенного взгляда, согласно которому у якутов в эпоху присоединения к России якобы господствовали уже феодальные отношения, автор, однако, не отрицает наличия в эту эпоху зачатков феодальных отношений. Таковые он (с некоторыми, впрочем, оговорками) усматривает в существовавшем у якутов XVII в. обычае раздачи скота на выпас, известном в более поздний период под названием «хасааса». «По своей экономической природе «хасааса»...», — пишет автор, — являлся формой чисто феодальной эксплуатации, разновидностью отработочной ренты... Это есть вполне закономерная в условиях скотоводческого хозяйства параллель земледельческой барщины или ее позднейшего пережитка, исполно-отработочной аренды» (стр. 181).

Хотя термин «хасаас» не встречается в источниках XVII в., но отдача скота на выпас и в пользование, судя по этим источникам, была широко распространена. Автор насчитывает в источниках 2-й половины XVII в. больше 50 упоминаний об этой отдаче скота, в большинстве случаев о передаче дойного скота зажиточным хозяином бедняку (стр. 182).

Но имел ли уже в XVII в. обычай раздачи скота характер формы феодальной эксплуатации, какой был свойственен ему в позднейшее время? — задает автор вопрос, и отвечает на него по-разному и неуверенно.

Между тем с этим вопросом связан и вопрос о том, имелись ли у якутов XVII в. в наличии феодальные отношения и, если имелись, то в какой степени они были развиты? Однако, и на этот важнейший вопрос автор определенного ответа не дает.

При этом следует отметить, что насколько автор склонен преувеличивать степень развития в якутском обществе XVII в. рабовладельческих отношений, настолько же он склонен преуменьшать наличие в нем феодальных отношений.

Признав, вначале определенно, потом предположительно и с большими ограничениями, в обычае раздачи скота у якутов XVII в. элемент феодальной эксплуатации, автор в конце-концов формулирует свою точку зрения так, что вопрос о наличии феодальных отношений у якутов XVII в. даже в ранней, зачаточной форме сводится им на-нет. «Итак, — пишет автор на стр. 186, — элементы феодальных отношений, точнее, те элементы, из которых могли бы при соответствующих исторических условиях сложиться (и позже сложились действительно) феодальные отношения, у якутов в эпоху завоевания были налицо». Нетрудно заметить, что в этой фразе есть внутреннее противоречие. Ведь, «элементы феодальных отношений» и те «элементы, из которых могли бы... сложиться феодальные отношения», не одно и то же; они представляют собой различные по характеру, по типу социальные отношения. В то время как первые знаменуют собой уже появление элементов феодального способа производства, феодальной эксплуатации (ибо только на этой основе могут создаваться элементы феодальных отношений), т. е. появление в недрах старого общества нового общественного уклада, вторые «элементы» («из которых могли бы при соответствующих условиях сложиться» и т. д.) еще ничего не знаменуют и в потенции существуют во всяком дофеодальном обществе.

Развивая свою концепцию социально-экономического развития Якутии в XVII—XVIII вв., автор утверждает, что исторические условия, при которых элементы феодальных отношений, «потенциально заложенные в якутском общественном строе» ко времени прихода русских, могли развиваться в действительно реальные отношения феодализма, — сложились только после присоединения к России и установления ясачного режима. Доказательству этого тезиса посвящена вся третья часть монографии, особенно главы 17—20.

По наблюдениям автора, с первых десятилетий после присоединения и на протяжении всего изучаемого им периода якутской истории под влиянием ясачной политики царизма роль рабства постепенно падает, а феодальные отношения развиваются; рабовладельческий способ эксплуатации вытесняется и замещается феодально-крепостническим, тойоны превращаются в феодалов, а ранее свободные якуты — «улусные мужики» — в закрепощенное крестьянство. Этот процесс развития якутского общества по феодальному пути с точки зрения автора начался со второй половины XVII в., а окончательно определился к середине XVIII столетия.

Подводя итоги своему рассмотрению влияния политики царизма на развитие якутского общественного строя в XVII—XVIII вв. (до реформ 1760-х годов), автор пишет: «Мы убедились выше (гл. 11) в том, что накануне царского завоевания у якутов существовали элементы феодальных отношений. Зародышем последних была прежде всего та особая форма отношений по скоту, которая дожила до наших дней под именем «хасааса». В новейшее время это была типичная форма феодальной эксплуатации, — разновидность отработочной ренты, конечно, *sui generis*. Имел ли этот обычай «хасаас» такое же значение уже в ту эпоху, мы не можем сказать; возможно, что выраженный характер эксплуататорской формы «хасааса» приобрел лишь позже. Но, во всяком случае, эта форма отношений якутам была

известна, и она потенциально — *in pace* — заключала уже в себе феодальные отношения. Если они оставались недоразвитыми, невыраженными, то причиной этого было то, что развитие якутского общества шло по рабовладельческому пути. Пока эксплуатация рабского труда тойонами осуществлялась свободно, недостатка в рабской силе не было, а с другой стороны, крепкие и самостоятельные общинники могли оказывать сопротивление попыткам их подчинить и эксплуатировать (а такие условия существовали до царского завоевания), — до тех пор путь феодального развития для якутов был, в сущности, закрыт. Когда царская колониальная политика, с одной стороны, ограничила через ясы и иным путем развитие рабства, а с другой стороны, усиленно и систематически начала толкать якутское общество в сторону развития феодальных отношений, — с этого времени, со 2-й половины XVII в., начинается переключение развития якутского социального строя с рабовладельческих на феодальные пути развития» (стр. 353).

Итак, автор считает, что только присоединение Якутии к России открыло для якутского общества возможность подняться на более высокую ступень исторического развития — на стадию феодализма. В этом автор видит прежде всего прогрессивное значение «установления русской власти в Якутии» (стр. 355).

Правильный тезис автора об исторически прогрессивном характере включения Якутии в состав русского феодального государства XVII—XVIII вв. ни мало бы не пострадал, если бы автор более определенно признал наличие в якутском обществе феодальных отношений еще до присоединения.

Наоборот, этот тезис был бы более обоснован и убедителен, если бы автор смелее и последовательнее показал, как феодальные отношения, органически выраставшие и формировавшиеся из социально-экономической структуры якутского общества еще до царского завоевания, стали более успешно и форсированно развиваться после присоединения Якутии к России. Теоретически и исторически было бы более правильно, если бы автор прочнее связал внутреннее развитие якутского общества с внешним влиянием России.

При такой постановке вопроса и роль рабства в Якутии XVII—XVIII вв. перестала бы быть самостоятельной, а для первой половины XVII в. — и ведущей в социально-экономическом развитии страны, как это старается представить наш автор. Рабовладельческие отношения при такой постановке вопроса стали бы играть подсобную роль в разложении первобытно-общинного строя и формировании феодальных отношений, что более соответствует истине.

Такая постановка вопроса сама напрашивается из нарисованной автором картины социально-экономического развития Якутии XVII—XVIII вв., да и автор не раз склоняется к такой постановке, указывая, что феодализм в Якутии не был наносным явлением, а имел свои глубокие корни в общественной структуре страны (ср. стр. 349—350). Но автор недостаточно последователен и часто противоречит сам себе: он то видит, то не видит в якутском обществе накануне царского завоевания элементы феодальных отношений. Так, автор то справедливо критикует предшествующих исследователей, вроде В. Серошевского, Д. Конева и др., за то, что они считали, что якутские тойоны превратились в эксплуататоров феодального типа только в результате установления в стране колониального режима и соответствующей политики царской администрации (ср. стр. 14—15), то сам склоняется к этой же точке зрения, утверждая, что русские воеводы своей политикой «расширения и укрепления власти тойонов над свободным населением» сделали из тойонов-рабовладельцев тойонов-феодалов (стр. 348, ср. стр. 354).

Напрашивается вывод, что автор по вопросу о якутском феодализме не окончательно определил свою точку зрения. Встречающиеся в монографии по этому вопросу противоречивые высказывания, неточные формулировки, частые оговорки и сугубо гипотетические предположения подтверждают этот вывод.

* * *

Мы не можем в нашем критическом обзоре подвергнуть рассмотрению все те вопросы, которые поднимает С. А. Токарев в своей монографии. Мы также не касаемся тех разделов монографии, где автор дает общую характеристику политики царизма в Якутии в XVII—XVIII вв. Наше внимание было сосредоточено на разборе основных положений автора по вопросу о характере общественного строя у якутов в XVII в.

Выход в свет монографии С. А. Токарева является крупным событием в якутской историографии, ценным вкладом в советскую историческую и этнографическую науку. Глубина теоретического анализа, оригинальность концепции автора и особенно богатство и новизна использованных первоисточников выгодно выделяют фундаментальное исследование С. А. Токарева из ряда предшествующих работ по истории и этнографии Якутии.

Б. Гарданов